

А. М. Кочеваткин, Соматическая лексика в диалектах эрзянского языка (лингвогеографический анализ). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1999. 316 с.

11 ноября 1999 года на заседании диссертационного совета К 063.72.01 при Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева состоялась защита кандидатской диссертации Александра Михайловича Кочеваткина по специальности 10.02.07 — «Финно-угорские и самодийские языки». Работа выполнена на кафедре эрзянского и финно-угорского языкознания Мордовского государственного университета под руководством доктора филологических наук профессора М. В. Мосина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Р. Н. Бузакова (Саранск) и кандидат филологических наук доцент О. А. Сергеев (Йошкар-Ола).

Работа А. М. Кочеваткина имеет целью представить со всей полнотой лексико-семантические группы соматической лексики в диалектах эрзянского языка, проанализировать ее в лингвогеографическом плане. Общая цель, по мнению автора, определяет следующие задачи частного характера: выявить и систематизировать корпус названий, входящих в состав соматической лексики эрзянского языка; в результате денотативного анализа определить общий состав объектов номинации, для обозначения которых служит корпус лексических единиц, и на материале эрзянских словарей провести сравнительный лексикографический анализ соматической лексики (с. 7).

Соматическая лексика, обозначающая части тела человека и проявления его организма, относится к основному словар-

ному фонду, который складывался в течение многих тысячелетий и отражает не только знания носителей языка об окружающем мире, но и их представления о самом себе и своем организме. Хронологически соматизмы считаются одним из древнейших пластов лексики, хорошо сохранивших свой фонетический облик и смысловое содержание. Как один из самых архаичных и устойчивых пластов лексической системы, они всегда использовались при решении задач сравнительно-исторического и общего языкознания. Сбор соматической лексики во всех регионах проживания эрзянского народа и ее систематизация являются одной из актуальных проблем мордовского языкознания.

С точки зрения лексикологии, соматизмы — это важный источник для выяснения путей и способов обогащения словарного состава языка. Тем более что многие из них не известны современному литературному языку. Они могли бы восполнить недостающий лексический фонд корпуса современных словарей. Необходимость изучения соматической лексики обуславливается и тем, что они представляют определенный интерес для изыскания лексических изоглоссов в близкородственных языках и эрзянских диалектах.

Актуальность темы объясняется и тем, что выводы, сделанные на основе ее изучения, служат более глубокому анализу лексической структуры эрзянского языка в типологическом плане.

В современных условиях, когда эрзянский язык в Республике Мордовия является государственным и имеет одинаковый статус с русским языком, систематизация лексики специальных областей приобретает особую значимость.

Работа актуальна и потому, что в ней впервые рассматриваются синонимия и антонимия в области соматизмов. Необходимость рассмотрения данной проблемы связана с тем, что в мордовском языкознании до настоящего времени соматическая лексика не была предметом специального исследования.

Решение поставленной цели осуществлено на основе анализа значительного количества соматической лексики эрзянского языка, а также критического обобщения теоретических изысканий. Соматизмы извлечены из разных источников. Таковыми, например, являются «Эрзянь-рузонь валкс» (1993), «Русско-эрзянский словарь» (1993), «Mordvinisches Wörterbuch» Х. Паасонена (1990) и диалектологические материалы в кабинете «Финно-угристика» Мордовского государственного университета. Неоценимую помощь при сборе дополнительного материала оказал специальный вопросник, охватывающий все разделы соматической лексики эрзянского языка. Вопросник применялся в 96 эрзянских населенных пунктах на территории Мордовии. Следует заметить, что ценнейшие материалы могли бы дать автору неопубликованные памятники мордовских языков XVIII—XIX вв., хранящиеся в архивах и библиотеках России. В них содержится значительное количество соматической лексики. Одним из полных лексикографических работ 200—250-летней давности является словарь Дамаскина, который, кстати, издан А. П. Феоктистовым. К сожалению, рукописные словари остались вне поля зрения А. М. Кочеваткина. Использованные методы отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен.

Исследование имеет общий объем 316 страниц машинописного текста и композиционно состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, сокращенных обозначений населенных пунктов в приложениях. Список использованной литературы содержит 126 названий.

Во введении (с. 4—9) автор аргументированно обосновывает выбор темы, определяет цель и задачи исследования, описывает принципы и методы, источники работы, а также отмечает ее научную новизну, теоретическую и практическую значимость. Дается объяснение транскрипции, примененной в рецензируемой работе.

Глава (с. 10—33) посвящена истории изучения соматической лексики в общем и финно-угорском языкознании. Хорошее знание историографии позволило автору сделать вывод, что исследование данной лексико-тематической группы в общем языкознании началось в начале века.

В финно-угорском языкознании, как отмечает А. М. Кочеваткин, немало исследований соматической лексики. Например, в эстонском и марийском языкознании соматизмы рассматривались в составе фразеологических единиц в кандидатских диссертациях Ф. Вакка и Э. С. Якимовой. Ознакомившись с трудами А. Инкиля, П. Пуомилаhti и А.-Л. Ояла, автор пришел к выводу, что исследование по семантике анатомической лексики финского языка представляется более многогранными и полными, чем в других финно-угорских языках. Данная лексико-семантическая группа в коми языке получила освещение в работах А. Н. Ракина. В венгерском языкознании известны исследования соматической лексики Гизелы Лабади-Бертеньи, которая рассматривает сочетания соматического корня с глагольным суффиксом на материале венгерского, финского, шведского, английского, немецкого и русского языков.

Автор отмечает, что изучение природы соматической лексики мордовских языков началось относительно поздно. Первым исследованием, в котором анализировалась данная лексико-семантическая группа, была работа М. В. Мосина «Мордовско-эстонские лексические отношения», в которой осуществлен этимологический и семантический анализ соматизмов. История происхождения анатомической лексики и ее смысловое содержание рассматриваются и в последующих его работах. Семантическому анализу отдельных соматизмов посвящены труды А. Е. Смирениковой и В. К. Маркиной.

В работах Р. С. Ширманкиной соматизмы рассматриваются в ракурсе фразеологизмов.

В этой же главе автор дает методiku составления лингвогеографических карт. На наш взгляд, целесообразнее было бы поместить ее отдельным подразделом во введении.

Во II главе «Соматизмы как лексико-семантическое поле» (с. 34—142) предлагается лексико-семантическая классификация соматизмов в диалектах эрзянского языка. Под тематическими группами понимаются объединения слов, основанные на классификации предметов и явлений в реальной действительности.

В зависимости от характера объекта номинации вся соматическая лексика эрзянского языка распределяется по группам: сомонимическая лексика, обозначающая части и области человеческого тела; остеонимическая лексика, обозначающая кости тела человека; спланхонимическая лексика, обозначающая внутренние органы человека; ангионимическая лексика, обозначающая кровеносную систему человека; сенсонимическая лексика, обозначающая органы чувств человека, и лексика, обозначающая болезни, недуги и проявления человеческого организма.

На основе детального анализа соматизмов эрзянских диалектов автор констатирует, что самым крупным разделом соматической лексики является сомонимия. В зависимости от принадлежности к соответствующей сфере обозначаемых объектов сомонимия распределяется по следующим разрядам: 1) названия, являющиеся общесистемными обозначениями: *rungo* и фонетические варианты *rungu*, *rungy*, *runga* 'тело'; *ket'il'kt'*, *prát'pil'kt'*, *prát'ser'kat* 'конечности человека'; 2) названия головы и ее частей: *pra* 'голова'; *čata*, *čačo*, *čačo*, *čaču*, *čaču*, *šel'mčata* 'лицо'; 3) названия шеи и туловища человека: *mešte*, *grud'*, *grud'ina* 'грудь'; *lavtov*, *lavtuw*, *lavto*, *lavtomo*, *lavtuw*, *lavtov lane*, *pleca* 'плечо'; 4) названия верхних конечностей: *ked'* 'рука', *sur* 'палец руки'; 5) названия нижних конечностей: *pil'ge*, *pil'gi* 'нога, ноги'; *kočka'ra* 'пятка'.

Далее рассматривается остеонимическая лексика. В зависимости от принадлежности к определенной сфере обозна-

чаемых объектов она распределяется следующим образом: 1) названия костной системы человеческого организма в целом: *lovaža* 'кость'; *kavo'or*, *kavyj'*, *kavuj'*, *kauj'*, *kavvej'*, *kavo're*, *h'rašč* 'хрящ'; названия костей головы: *prakolgan*, *pralovaža*, *pran korobka*, *č'erep* 'череп'; *prabokan lovaža*, *viskalovaža* 'височная кость'; 3) названия костей туловища: *kirgasan*, *kyrgasan*, *kərgasan* 'шейное сухожилие'; *irdez*, *ir'diz*, *ir'deks*, *ir'diks* 'ребро'; 4) названия костей верхних конечностей: *pel'kapolda*, *pel'kap'ra*, *pel'kalovaža* 'фаланга большого пальца'; 5) названия костей нижних конечностей: *ka'razlovaža*, *mu'korlovaža*, *tazovoj lovaža*, *karksamij' lovaža* 'тазовая кость'; *kočka'lovaža* 'пяточная кость'.

Спланхонимическая лексика распределяется следующим образом: 1) названия внутренних органов в целом: *potmə*, *potme* 'нутро (внутренние органы человека или животного)'; *viška kel'* 'язычок'; 2) названия пищеварительных органов: *kel'* 'язык'; *kel'jur*, *kel'goron* 'корень языка'; *šulu*, *šula*, *šuly*, *šule* 'кишка'; 3) названия дыхательных органов: *sudupotmo*, *sudupotma*, *sudypotmə*, *sudepotmo*, *sudepotma*, *sudopotma* 'носовая полость'; *kel'ks*, *kil'ks*, *skel'ks*, *pl'evra* 'плевра'; 4) названия мочеполовых органов: *piče*, *piči*, *počka* 'почка'; *al*, *mona*, *koko*, *monal*, *kokaj*, *kolajka* 'яичко (парная мужская половая железа в мошонке, в которой развиваются сперматозоиды)'.

Ангионимическая лексика — наиболее малочисленная часть системы соматических слов эрзянского языка: *šedij*, *šād'ej*, *šād'ij*, *šed'ej* 'сердце'; *čecej*, *čečij*, *čeče*, *šeče*, *še'ležonka* 'селезенка'.

Сенсонимическая лексика в зависимости от принадлежности к соответствующей денотативной сфере обозначаемых объектов распределяется следующим образом: 1) названия органов зрения: *šel'meumar*, *šel'miumar*, *šäl'meumar*, *šel'mejabluk*, *säl'mejabluk*, *šel'mejablok* 'глазное яблоко'; 2) названия органов слуха: *pile*, *pili* 'ухо'; *pileponat*, *pil' iponat* 'волосы уха'; 3) названия органов обоняния и вкуса: *sudo* 'нос', *kel'* 'язык'; 4) названия органов осязания: *čamaked*, *čamakäd*, *čamakiške* 'кожа лица'; *šäl'mepona*, *šel'mepona*, *řešnica* 'ресница (волосок на краю глазного века)'.

К последней тематической группе соматической лексики А. М. Кочеваткин от-

носит «лексику, обозначающую болезни, недуги и проявления человеческого организма», которая в свою очередь подразделяется на 1) названия болезней и недугов человека (*kila, mužkaz, griza, griza, gryža* 'грыжа'; *šram, aržo, rubec, armoths, keřavks, čerkstavks* 'шрам') и 2) названия проявлений человеческого организма (*šedoj, sedej, sedyj* 'седой').

Анализируя весь корпус собранных соматизмов, автор приходит к выводу, что совокупность соматической лексики, активно функционирующей в диалектах эрзянского языка, относится к 317 объектам номинации, для обозначения которых употребляются 754 номинативные единицы.

Автор замечает, что в составе соматической лексики эрзянских диалектов параллельно с исконными названиями употребляются русизмы. Некоторые из них, такие как *želudka, lopatka, klučica* и т.д., полностью вытеснили исконные слова. Встречаются говоры, где вместо собственных номинативных единиц (*kambraz* 'скелет') употребляются заимствования (*skel'et*). Последние становятся более употребительными, нежели собственно эрзянские лексемы. А. М. Кочеваткин прав, отмечая, что такого рода явления происходят не по объективным, а по субъективным причинам, вследствие пренебрежительного отношения к словарному богатству родного языка.

На основе скрупулезного изучения четырех лексикографических произведений А. М. Кочеваткин обобщает, что в них в общей сложности содержится 908 соматических названий. Сравнивая соматизмы как в выходных, так и во входных частях словарей, он замечает, что в подаче эквивалентов наблюдаются некоторые несоответствия, что следует признать как недостаток в лексикографической подаче соматических названий эрзянского языка.

В рецензируемой работе заслуживает одобрения то, что автор выявил соматические названия, которые отсутствуют в словарях современного литературного языка. Такие диалектизмы являются добротным материалом для пополнения корпуса соматизмов нормативного словаря. Их не менее 218, причем 45 относятся к системе сомонимии (*praboka* 'висок', *alce turva* 'нижняя губа'); 38 — к системе ос-

теонимии (*pil'ekavor* 'ушная раковина', *prabokan lovaža* 'височная кость'); 67 — к системе спланхнонимии (*sulot* 'кишечник', *sepeņpuvato* 'желчный пузырь'); 9 — к системе ангионимии (*maksoisant* 'печёночные протоки', *koñañ vėřzan* 'лобная артерия'); 40 — к системе сенсонимии (*šel'meumar* 'глазное яблоко', *šel'meer'ge* 'хрусталик глаза'); 19 — это наименования болезней, недугов и проявлений человеческого организма (*angordavks* 'царапина', *pejorma* 'зубная боль').

Завершая обзор указанной главы, следует отметить, что весь проанализированный материал автором строго систематизирован.

III глава (с. 143—154) посвящена анализу системных отношений в соматической лексике диалектов эрзянского языка; здесь же рассматриваются их синонимия и антонимия. Системность лексики, как отмечает А. М. Кочеваткин, проявляется как в тематико-понятийной ее организации, так и в упорядоченности, зависящей от собственно-языковых факторов и выявляющей отношения слова к другим словам.

Автор прав, когда утверждает, что синонимы в соматической лексике эрзянского языка появились по следующим причинам: 1) сосуществование эрзянского и заимствованного слова; 2) перефразировка словосочетания и сосуществование двух синтаксически синонимичных конструкций и 3) сосуществование литературных и диалектных слов. В связи с этим автор выделяет три группы синонимов-соматизмов: 1) соматизмы исконного происхождения и соматизмы заимствованные: *lavtovlovaža pakař — lopatka* 'лопатка'; *jur — koron* 'корень (зуба, волоса)'; 2) соматизмы, построенные по типу «существительное в родительном падеже + существительное» и «существительное в абсолютной форме + существительное»: *vaj'gel'eni sant — vaj'gel'zant* 'голосовые связки'; 3) соматизмы из различных эрзянских говоров: *mona — al* 'яичко'; *šel'mevařa — šel'melatko — šel'meundo* 'глазница'.

Антонимия в соматической лексике эрзянских диалектов отражает не поляризацию семантического поля, а лишь ситуативную пространственность понятий. А. М. Кочеваткин констатирует, что лек-

семьи в поле соматической лексики ситуативно противопоставлены по следующим признакам: 1) по месту: *kenžepřa* 'кончик ногтя' — *kenžejur* 'корень ногтя'; 2) по положению в пространстве: *verće pejzalaské* 'верхняя челюсть' — *alce pejzalaské* 'нижняя челюсть'; 3) по принадлежности: *ked-beke* 'мускул руки' — *pił'gepeke* 'икра ноги'; 4) по качеству: *čev'te kurgoménel* 'мягкое нёбо' — *kalgodo kurgoménel* 'твёрдое нёбо'; 5) по размеру: *viška sur* 'мизинец' — *pokš sur* 'большой палец'; 6) по полу: *papa* 'мужской половой член' — *pad* 'женский половой орган'; 7) по функции: *nel'ema kiŕ'gapar* 'пищевод' — *lekšema kiŕ'gapar* 'трахея, дыхательное горло'.

Не меньший интерес представляет IV глава (с. 155—168), посвященная словообразовательной структуре соматизмов. Слова исследуемой лексико-семантической категории образуются как суффиксальные, сложные, составные и парные.

Автор отмечает, что не все суффиксы одинаково продуктивны. Они рассмотрены в порядке убывающей частотности. Раздел «Словосложение» состоит из следующих параграфов: Двухкомпонентные составные слова, Многокомпонентные составные слова, Сложные слова. В особую группу выделены парные слова, образованные из двух грамматически однородных слов. Систематизация иллюстративных материалов позволила автору сделать вывод, что в языке прослеживается тенденция к созданию композит и составных слов. Это самый многочисленный вид номинативных единиц в системе соматической лексики эрзянских диалектов.

Теоретическую часть завершает заключение (с. 169—174), содержащее умело сформулированные выводы по всем четырем главам.

В конце работы даны два приложения. В приложении 1 (с. 192—297), несомненно, привлекут внимание языковедов лингвогеографические карты, содержащие 105 соматизмов. К сожалению, приложение не озаглавлено. Приложение 2 (с. 297—316) содержит перечень соматической лексики эрзянского языка в алфавитном порядке, который, однако, не всегда соблюдается (например, с. 306).

К числу недостатков, замеченных рецензентом, относятся следующие:

1. В разделе «Источники и литература» (с. 179—188) не всегда указана страница (с. 183); монография И. С. Галкина, состоящая из двух отдельных частей и изданная в разное время, фигурирует под одним названием (с. 180); в написании отдельных иностранных слов встречаются искажения: *vuotispäiväksi*, *kieleissa* (с. 187) — ср. *vuotispäiväksi*, *kielissä*.

2. Приводя соответствия из родственных финно-угорских языков, в частности, из марийского, автор не всегда полностью открывает значение того или иного слова или дает неправильное его толкование, например: мар. *nolo* 'сок', *erd'e/ärdy* 'бок' (с. 156). В марийском языке лексема *nolo*, кроме названного, имеет и другие значения, например, '1) влага; влажный; 2) слизь, мокрота; 3) прель', а лексическая единица *эрде* имеет лишь одно значение 'бедро'. На с. 9 А. М. Кочеваткин пишет, что главные положения работы отражены в пяти публикациях, но в автореферате (с. 15—16) указаны четыре публикации.

3. В исследовании имеются пунктуационные (с. 63, 64, 76), орфографические (с. 39, 70) ошибки, опечатки, а также незначительные погрешности стилистического характера. Указанные недочеты не носят принципиального характера и не снижают практической и теоретической ценности работы. Они легко устранимы.

В целом работа А. М. Кочеваткина представляет собой законченное и обстоятельное исследование соматической лексики эрзянского языка, проведенное на фактическом материале с применением лингвогеографических методов и приемов, она открывает новое направление в изучении современного словарного состава эрзянского языка и расценивается как вклад не только в мордовское языкознание, но и в финно-угроведение в целом. Результаты этого труда, несомненно, окажут необходимую помощь при составлении современных словарей, уточнении и дополнении их корпуса новыми сведениями.

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)